

В обширной плеяде выдающихся деятелей русской словесности одно из первых мест давно и по праву занимает Владимир Даль – писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач. Всемирную славу принёс ему многотомный «Толковый словарь живого великорусского языка», на составление которого он потратил более полувека. Этот труд принёс его автору звание академика, многочисленные награды, славу и, конечно же, безграничную благодарность потомков.

Будущий лингвист родился 10 (22) ноября 1801 года в посёлке Луганский завод (ныне г. Луганск, ЛНР) в семье лекаря горного ведомства Ивана Матвеевича Даля и его супруги Марии Христофоровны, урождённой Фрейтаг. Отец мальчика был обрусевшим датчанином, мать – наполовину немка, наполовину француженка. В его жилах бурлил коктейль из кровей трёх разных национальностей, хотя, став взрослым, Владимир Даль идентифицировал себя исключительно русским человеком, о чём свидетельствуют многие сохранившиеся до нашего времени письма и записи лексикографа.

Спустя четыре года семья Даля-старшего переехала в Николаев, где её глава вскоре стал старшим лекарем Черноморского флота. Получив дворянское звание, Иван Даль обрёл также право на обучение своих детей в Петербургском морском кадетском корпусе за казённый счёт. Владимир вместе с младшим братом Карлом был принят в это учебное заведение, окончив его в марте 1819 года. Во время учебного плавания кадет Даль посетил свою историческую родину, после чего написал следующие строки: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, моё отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество моё – Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков».

После нескольких лет службы на флоте Владимир Даль поступил в Дерптский университет на медицинский факультет (ныне г. Тарту, Эстония). Стихи и прозу под псевдонимом «Казак Луганский» стал печатать в петербургских периодических изданиях начиная с 1827 года.

Первая книга, которая принесла Владимиру Далю известность, вышла в столице в 1832 году и получила название «Русские сказки из предания народного изуственного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским». Правда, известность она принесла автору скорее скандальную, так как за этот труд Даля сочли неблагонадёжным. Автор книги был арестован, а почти весь тираж «Русских сказок» уничтожен. От репрессий молодого талантливого писателя и собирателя фольклора спасло заступничество поэта Василия Жуковского, который при дворе российского императора был наставником цесаревича Александра Николаевича. Он же обещал познакомить Даля с Пушкиным.

Но Владимир Иванович принял смелое решение лично представиться знаменитому поэту и вручить ему один из уцелевших экземпляров вышедших недавно в свет «Русских сказок». Свой первый поход к Пушкину он описал так: «Я взял свою новую книгу и пошёл сам представиться поэту. Поводом для знакомства были “Русские сказки. Пяток первый Казака Луганского”. Пушкин в то время снимал квартиру на углу Гороховой и Большой Морской. Я поднялся на третий этаж, слуга принял у меня шинель в прихожей, пошёл докладывать. Я, волнуясь, шёл по комнатам, пустым и сумрачным – вечерело. Взяв мою книгу, Пушкин открывал её и читал сначала с конца, где придётся, и, смеясь, приговаривал: “Очень хорошо”».

Александр Сергеевич, будучи автором многих стихотворных сказок, чрезвычайно обрадовался подарку собрата по перу и в качестве ответного жеста подарил Владимиру Ивановичу рукописный вариант своей новой сказки «О попе и работнике его Балде», сделал следующий автограф: «Твоя от твоих. Сказочнику Казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». Вот так в первый же день знакомства гении дружески обменялись запрещёнными произведениями. Тираж собранных и литературно обработанных Далем народных сказок был уничтожен, а пушкинская сказка «О попе...» при жизни поэта к печати цензурой не допускалась. Лишь после смерти «солнца русской поэзии» В. А. Жуковский подготовил её к печати, переименовав попа в купца Остолопа.

Во время первой встречи Пушкин поинтересовался у Даля, над чем тот сейчас работает, и Владимир Иванович рассказал ему о своей всецело поглотившей его страсти к собирательству и толкованию русских слов, которых на тот момент было собрано уже около двадцати тысяч. «Так сделайте словарь! – страстно воскликнул Пушкин. – Нам позарез нужен словарь живого разговорного языка. Да вы уже сделали треть работы, не бросать же теперь ваши бесценные запасы». А о собранных Далем пословицах и поговорках отзывался не менее восторженно: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» Поэт вдруг смолк, задумался, а затем продолжил: «Ваше собрание не простая затея, не увлечение. Это совершенно новое у нас дело. Вам можно позавидовать – у Вас есть цель. Годами копить сокровища и вдруг открыть сундуки перед изумлёнными современниками и потомками!»

В 1833 году Владимир Даль переводится в Оренбург чиновником особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском. Вскоре, 18 сентября этого же года, туда приехал и Александр Пушкин, чтобы собрать материалы и живые свидетельства для задуманной им книги «История Пугачёва», которую цензура заставила впоследствии переименовать в «Историю пугачёвского бунта».

До своей поездки на Урал в «восточные провинции» Александр Сергеевич проделал огромную исследовательскую работу, изучив сотни печатных и рукописных архивных документов, касающихся истории пугачёвского бунта. Всё больше вникая в реальные факты событий 60-летней давности, Пушкин приходит к выводу о том, что ему непременно нужно побывать в местах, где проходило восстание, поговорить с его ещё живыми очевидцами.

Пребывая в Оренбурге, Пушкин в сопровождении Владимира Даля побывал в Неплюевском военном училище, Гостином дворе, который первоначально строился с военно-оборонительной целью по типу крепости, Меновом дворе, а также городском архиве, где просмотрел ряд заинтересовавших его документов, сделав из них выписки.

Главным событием для столичного гостя стала его поездка с В. И. Далем и директором военного училища К. Д. Артюховым в Бёрды, населённый пункт, ставший центром повстанческой армии. Сотник Оренбургского казачьего войска и наказной атаман станицы И. В. Гребенщиков, заранее

предупреждённый губернатором, собрал бёрдских старожилов, в числе которых была и казачка И. А. Бунтова. Она рассказала Александру Сергеевичу о взятии этой крепости Пугачёвым и о том, как он творил суд и расправу.

В этот же день Пушкин вместе с Далем осмотрели и раскинувшуюся близ Оренбурга на берегу Урала казачью слободу Форштадт, которая появилась одновременно с городом в 1743 году. В ней доживали свой век другие очевидцы пугачёвской осады, тоже поведавшие поэту много интересного.

Александр Сергеевич достаточно быстро собрал интересующие его материалы о пугачёвском восстании, хотя сделать это было не всегда легко. Дело в том, что жители края, в своё время понёсшие жестокие наказания за поддержку бунтовщика и лжецаря, опасались каждого неизвестного им человека. К тому же большинство из них были старообрядцами и поэта за его внешний вид, особенно смуглую кожу, длинные ногти и перстни на руках, первоначально вообще приняли за антихриста. А вот Даль даже за короткое время своего пребывания в Оренбуржье успел завоевать доверие местного населения, и это доверие очень пригодилось прибывшему сюда из столицы Пушкину.

Сохранились записи Владимира Даля о его совместных с поэтом поездках, опубликованные в книге «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников и письмах», изданной в 1910 году в Москве: «Пушкин прибыл нежданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, а на другой день перевёз я его оттуда, ездил с ним в историческую Бёрдинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачёвым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместье, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город, – на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачёву, на зауральскую рошу, откуда вор пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, – о так называемом секретаре Пугачёва Сычугове, в то время ещё живом, и о бёрдинских старухах, которые помнят ещё “золотые палаты” Пугача, то есть обитую медной латуной избу…»

Даль описывает, как в пути Пушкин рассказывал ему о своих литературных замыслах. Например, о написании истории, а затем и романа о Петре Великом. Он цитирует слова поэта: «Я ещё не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим ещё к нему близко, – надо отодвинуться на два века, – но постигаю это чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я ещё много сделаю!»

Вместе с Далем поэт объездил все ключевые места пугачёвских событий и, вернувшись домой, быстро написал задуманную книгу, одобренную к тому же самим императором. Признательный за оказанную ему помощь и гостеприимство, Пушкин в 1835 году выслал в Оренбург три подарочных экземпляра книги: губернатору Перовскому, Далю и капитану Артюхову, который организовал поэту отличную охоту, потешал охотничьими байками, угощал пивом и парил в своей бане.

В 1836 году губернатор Василий Перовский был возведён в сенаторы и перебрался в столицу. С собой он взял и Даля, определив его, как «надёжного человека», к своему брату Льву Перовскому – министру внутренних дел, у которого Владимир Иванович занял пост начальника министерской канцелярии, то есть, по сути, стал правой рукой министра.

Пушкин радостно приветствовал возвращение друга, многократно навещал, интересуясь его новыми лингвистическими изысканиями. Александру Сергеевичу очень понравилось услышанное от Даля ранее неизвестное ему слово «выползина» – шкурка, которую после зимы сбрасывают змеи, выползая из неё. Зайдя как-то к Владимиру Ивановичу в новом сюртуке, Пушкин весело пошутил: «Что, хороша выползина? Ну, из этой выползины я теперь не скоро выползу. Я в ней такое напишу!» – то ли полшутливо, то ли полусерьёзно пообещал поэт. Кстати, в день дуэли с Дантесом Пушкин был именно в этом сюртуке. Поэтому, чтобы не причинять раненому поэту лишних страданий, пришлось «выползину» с него осторожно спарывать.

Узнав на следующий день после дуэли о ранении Пушкина, Даль помчался к нему домой, даже несмотря на то, что не получил от его родных официального приглашения. Как военный врач, он активно участвовал в облегчении страданий Александра Сергеевича. Рядом с поэтом кроме его близких находились домашний доктор Иван Спасский, придворный лейб-медик Николай Арендт и ещё три

доктора медицины. Все понимали, что рана, полученная Пушкиным от пушечной пули, смертельна, и уповали только на чудо. Арендт прямо сказал поэту: «Рана ваша очень опасна, и к выздоровлению вашему я не имею надежды».

Когда же к дивану, на котором лежал Пушкин, подошёл Даль, тот поприветствовал его и, взяв за руку, спросил: «Скажи мне правду, скоро ли я умру?» На что Владимир Иванович как профессиональный военный врач корректно ответил: «Мы за тебя надеемся, право, надеемся, не отчаивайся и ты». После этих слов Пушкин заметно оживился и даже попросил морошки, а его жена Наталья Николаевна с уверенностью проговорила: «Он будет жив! Вот увидите, он будет жив, он не умрёт!»

Под руководством лейб-медика Арендта Даль начал вести дневник истории болезни раненого поэта. После кончины Пушкина именно Даль вместе со Спасским провёл вскрытие его тела, которое было детально запротоколировано. Вот фрагмент этого написанного рукою Даля протокола: «Пуля пробилла общие покровы живота в двух дюймах от верхней передней оконечности подвздошной кости правой стороны, потом шла, скользая по окружности большого таза, сверху вниз, и, встретив сопротивление в крестцовой кости, разбила её и засела где-нибудь поблизости».

Дантес выстрелил на расстоянии 11 шагов крупнокалиберной свинцовой пулей. Пуля проскочила между тонкими и слепой кишкой «в одном только месте, величиной с грош, тонкие кишки были поранены гангреной. В этой точке, по всей вероятности, кишки были ушиблены пулей».

Даль не отходил от умирающего друга до последнего его вздоха. Он оказался тем самым доверенным врачом, на руках которого скончался великий поэт. Однако некоторые пушкинисты как прошлого, так и настоящего почему-то не считают его близким другом Пушкина, отнеся просто к многочисленным знакомым. Так ли это на самом деле? Разве просто знакомым дарят драгоценный для поэта перстень-талисман? Почему именно Даль, а не домашний доктор Иван Спасский закрыл глаза усопшему гению русской литературы? Почему некролог о смерти поэта составил не придворный лейб-медик Арендт и Спасский, а всё тот же Даль? Почему пушкинский сюртук-«выползину» с дыркой от смертоносной пули Наталья Николаевна передала опять же Далю? И таких «почему?» возникает очень и очень много...

Однако все эти вопросы разом отпадают, если принять, что с первой же встречи между Пушкиным и Далем возникла взаимная приязнь двух литераторов, беззаветно любящих русскую словесность, её живительные народные истоки. И дело тут не в количестве встреч или писем, шумных кутежей или споров. Просто они оба сразу почувствовали, что чрезвычайно близки друг другу по мыслям, взглядам, морально-нравственным воззрениям о долге и чести – они люди одной крови. Казак Луганский был настоящим другом великого поэта – надёжным, преданным, благодарным, никогда не спекулируя этой дружбой, а тем более не получая какую-либо выгоду для своего литературного имиджа.

Вот что Владимир Даль пишет в своих воспоминаниях: «До приезда Пушкина в Оренбург я виделся с ним всего только два или три; это было именно в 1832 году, когда я, по окончании турецкого и польского походов, приехал в столицу и напечатал первые опыты свои...» Однако их дружеские отношения в значительной мере укрепились после встречи в Оренбурге и продолжались до последнего часа поэта. И об этом Даль тоже оставил потрясающую своей искренностью запись: «Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ты, – я ответил ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира».

Могут ли после таких слов возникнуть какие-либо сомнения по поводу крепости дружбы между великим русским поэтом и великим русским лексикографом, хоть она и продолжалась всего-то неполных пять лет.

*Памятник А. Пушкину и В. Далю
в Оренбурге (скульптор – Н. Г. Петина,
архитектор – С. Е. Смирнов)*